

Часть первая

Глава 1

Алексей Николаевич Земских зашел в свой рабочий кабинет и запер дверь на ключ. Затем снял трубку стационарного телефона и положил на стол, чтобы никто не смог ему позвонить, а мобильный отключил. В ближайшие десять минут его ни для кого нет.

Земских уселся в кресло с высокой спинкой, откинул голову, смежил веки. Но расслабиться не успел, ожил компьютер, подавая сигнал, что в скайпе пришло сообщение. Земских даже знал от кого — от его девушки Оксаны, которая сейчас в командировке в другом городе. Не открывая глаз, Леша протянул руку и захлопнул крышку ноутбука.

Его ни для кого нет!

— Алексей Николаевич, — услышал он тут же. — Алексей Николаевич! — В дверь настойчиво заколотили. — Вы у себя? — Задергалась ручка, Земских не увидел этого, потому что продолжал сидеть с закрытыми глазами, но услышал характерный звук. — Да где он, черт возьми?

Земских не шелохнулся, но глаза открыл и уставился в потолок. Не увидел там ничего заслуживающего внимания: споты, немного пыли, пара мух, вяло ползающих по пластиковым панелям. И все же Леша принялся с интересом разглядывать все это, хотя еще вчера просто

отвел бы взгляд или расфокусировал его... Но вчера он не знал того, что ему открылось сегодня...

Он умирает!

Доктор Алексей Николаевич Земских сегодня утром получил результаты биопсии желудка и узнал, что у него рак четвертой стадии. Надежда на излечение есть, но она ничтожно мала. Алексей слышал о случаях чудесного исцеления, но сам с такими не сталкивался. Поэтому сейчас он сидел в закрытом кабинете с отключенными гаджетами и пытался понять, как жить дальше. Нужно было как минимум выбрать генеральную линию: начать лечение или отказаться от него. Сказать себе ДА или НЕТ. Для начала. Потом уже продумывать варианты, исходя из того, какой пункт, «А» или «Б» (ДА или НЕТ), он выберет.

Снова застучали в дверь.

— Алексей Николаевич, вы же там! — Это билась в кабинет доктора медсестра Маришка. Она утром просила Земских осмотреть своего двоюродного брата, и тот пообещал, но тогда у Алексея еще не было на руках результатов биопсии. — Алексей Николаевич, ну так же нельзя! Славик приехал, а вы прячетесь. Он, между прочим, с другого конца города тащился на больных ногах. Вы же помните, у него колени не разгибаются...

Леша мысленно застонал. Мариша так просто не отстанет. Эта женщина ростом сто сорок три сантиметра была напориста и неустрашима. Требовать прибавки к зарплате для всех сестер отправляли не старшую, а именно Маришу. В коллективе у нее была кличка Халк.

— Иду, иду, — крикнул Земских. — Только умоюсь. Можно?

— Можно, — милостиво разрешила Маришка.

Земских поднялся с кресла и прошествовал в уборную. Там имелись только унитаз и крохотная угловая

раковина. Габаритный Алексей разворачивался в комнате с трудом. Но наличие собственного туалета был несказанно рад. Он единственный из докторов их частной клиники мог похвастаться его наличием. Разумеется, у главврача в кабинете имелся не только туалет, но и душевая кабина, но на то оно и начальство, чтобы находиться в привилегированном положении. Через полтора года этот пост перешел бы к Земских. И Леша, кроме статуса, значительной прибавки к зарплате и личного парковочного места, заполучил бы еще и кабинет с душевой. Сколько раз, замещая главного, он заходил в просторную уборную, окидывал ее взглядом и думал: только ради нее стоит мечтать о повышении.

Леша включил холодную воду и подставил под тугую струю ладони, сложенные ковшиком. Умылся. Вытерся полотенцем. Посмотрел в зеркало. Гладкое лицо с крупными чертами. Густые светлые брови, такая же щетина. Большинству блондинов не идет небритость, но только не Леше. Она подчеркивает его высокие скулы, а квадратный подбородок делает мягче. Земских относился к тем представителям сильного пола, про которых принято говорить «интересный мужчина». Не красавец, но женское внимание привлекающий. Другой бы на месте Леша беззастенчиво этим пользовался, но он не был бабником и редко отвечал на заигрывания. И когда его подкалывал коллега и лучший друг Валера Фомин, отшучивался. Говорил, что ждет седины в волосах и беса в ребрах...

Теперь уж не дождется!

— Алексей Николаевич, — послышалось из-за двери. Это Маришка устала ждать. — Вы там умерли, что ли?

— Почти, — прошептал Земских. Затем раздался стук в дверь, и он вынужден был крикнуть: — Иду!

Когда Алексей вышел из кабинета, Маришка тут же взяла его в оборот. Последующие полчаса он осматри-

вал колени ее брата и назначал ему лечение. Естественно, все это делалось под неусыпным контролем Халка. Закончив, Земских вернулся к себе только затем, чтобы снять белый халат. Ему хотелось бежать из больницы, чтобы подумать наконец о будущем, а в стенах клиники ему точно не дадут это сделать.

— Леха, — услышал он за спиной, когда уже достиг входных дверей.

Сделать вид, что не слышит, Земских не мог, голос прозвучал чуть ли не над ухом, поэтому обернулся.

— Ты куда помчался? — спросил Валера Фомин, коллега и друг, который передвигался тихо, как ниндзя. И это при том, что весил больше ста кило при росте метр шестьдесят восемь.

— Домой.

— Ты же говорил, что сегодня у тебя весь день расписан, а сейчас только начало шестого...

— Перенес вечерних пациентов на другой день.

— Что-то случилось? — забеспокоился Валера, и два его подбородка заколыхались. Фомин был тучным, но невероятно подвижным. Он грациозно ходил, прекрасно танцевал, а его полное лицо красноречиво выражало каждую эмоцию. И работали при этом не глаза или рот, а, как ни странно, скопления жира.

— Все нормально, Валер, я просто устал... — Леша похлопал друга по плечу.

— Да, выглядишь неважно. Я всегда говорил, что ты много работаешь.

Это было действительно так. Большую часть жизни Земских проводил в клинике, а в свободное время изучал медицинские журналы. Если хотел расслабиться, шел не в бар или на футбол, как Фомин, а на иглоукалывание. В отпусках бывал редко. И из двух недель, что брал, в безделье проводил от силы дней пять, остальное

время учился чему-то новому на курсах и тренингах. С женщинами знакомился там же. Почти все пассии Леши были из медицинской среды — докторами, сестрами, массажистами. Последняя — травником. Ни с одной отношения не продлились дольше года. Женщинам становилось скучно с Земских. Он был слишком положительным: не пил, не курил, не развлекался, никогда не повышал голоса, не конфликтовал, не пытался надавить. В общем, то, что сперва привлекало в нем, впоследствии начинало раздражать. Девушки недоумевали, как этот мужчина может быть таким идеальным. Он же не робот, он человек! Причем самец. Он должен изредка позволять себе излишества: выпивать пару фужеров шампанского на Новый год, в отпуск отправляться с друзьями на охоту, стучать кулаком по столу, когда его изо дня в день кормят пережаренной яичницей, ревновать свою даму к другим и драться за нее, если она уходит. Земских же не изменял любимому морковному соку, медицине и своему спокойствию. Все избраницы Алексея принимали его непоколебимость за равнодушие. А редкая женщина потерпит, если к ней равнодушны. Поэтому подружки уходили от Леши и искали себе менее идеальных, но более живых партнеров.

Последняя, травница была лучше предыдущих тем, что походила на него. Такая же непьющая, спокойная, если не сказать бесстрастная в быту, но увлеченная своим делом. Идеальный вариант для Земских. Он даже подумывал о том, чтобы завести с ней детей. Но...

Детей у него уже не будет! Ни с травницей, ни с какой-то другой женщиной.

— Лех, ты вечером один? — услышал Земских голос друга. — Или с этой своей?.. Все забываю, как ее зовут.

— Оксана. И она в командировке. Так что вечером я один, а что?

— Пусты товарища на пару часов футбол посмотреть. Знаю, ты не любитель, но я тебя не буду беспокоить. Подключу наушники и закроюсь в комнате с пивасиком и фисташками.

— У тебя сломался телевизор?

— У меня сломалась личная жизнь, и ты это знаешь.

Да, Земских знал. Валера месяц назад разъехался, но пока не развелся с женой и теперь обитал у мамы, очень пожилой и странной женщины. Своим жильем, хотя бы съемным, не обзаводился в надежде на то, что его брак можно спасти.

— Мать с утра до вечера смотрит то сериалы, то новости, — продолжил Валера. — К телику не подберешься.

— Есть компьютер.

— Да это не то! Нужен большой экран. Как у тебя. — У Леша был не просто большой телевизор — огромный. С «живым» изображением. Он всегда покупал дорогие вещи, даже если ими почти не пользовался.

— Спортбар?

— Я люблю смотреть футбол в одних трусах, поставив на пузо тарелку с орехами...

— Во сколько матч?

— В десять.

— То есть тебя еще и приютить придется?

— Я могу домой на такси уехать. Но если бы ты позволил мне переночевать на диване, я был бы очень тебе благодарен.

— Извини, Валера. Но хочу побыть один.

И развернулся, чтобы не видеть обиженной физиономии друга. Фомин не был навязчивым и редко что-то просил у Земских, а тут с такой малостью обратился и получил отказ.

С Валерой Фоминым Леша познакомился семь лет назад, когда устроился в клинику. Тот работал здесь лором.

Валера произвел на Земских впечатление приятного, но поверхностного человека. Леше думалось, что он только благодаря своему обаянию и умению ладить с людьми смог устроиться в солидное медучреждение. Но оказалось, что добродушный толстяк, который всех веселит, еще и отличный специалист. В Фомине сочеталось несочетаемое: серьезное отношение к работе и полное раздолбайство вне ее. Валере на тот момент было под сорок (сейчас, соответственно, за), но он обожал тусоваться. Ходил в клубы, караоке-бары и на пенные дискотеки. На последней познакомился со своей будущей женой. Та была, естественно, почти вдвое его моложе и втрое худее. Сексом они занялись в ту же ночь, причем прямо в пене, а через полтора месяца поженились. Поскольку чадо свое влюбленные заделали с первой попытки, иначе говоря, в день знакомства, то оно появилось на свет совсем скоро. Родилась девочка Софочка. Леша первое время был уверен в том, что ребенок не от Валеры. Мало ли с кем спала девица, готовая отдаться первому встречному на дискотеке, пока не увидел новорожденную. Софья была копией Фомина. И не только внешне. Она так же, как и Валера, умела мгновенно очаровывать людей. В том числе Земских. Он проникся к девочке настолько, что согласился стать ее крестным.

Сейчас Софочке было два с половиной годика. Толстая, голубоглазая, губастая и невероятно хорошенькая девочка. Однако мать беспокоила ее полнота, и она постоянно ограничивала дочку в еде. Упитанные крохи ей казались очаровательными до определенного возраста. Складочки на ручках и ножках, а также второй подбородок умиляли, пока малышка лежала в кроватке и ползала. Но когда Софочка начала бегать, супруга Валеры пришла в ужас от того, что дочка не худеет. Толстые девочки плохо смотрятся в платьях принцесс. Их

фотографии не запостишь, пока не обработаешь в фотошопе. Поэтому Софию с полутора лет пытались посадить на диету, чему Фомин всячески противился. Но разошлись супруги не из-за этого. А потому, что Валера не желал меняться. Да, он большую часть свободного времени проводил с семьей, но после каждой ссоры, а ссоры случались часто, бежал из дома и отрывался где-то в клубах, барах, на дискотеках. Он пил, пел, плясал, знакомился с женщинами, но не изменял жене. И она, как казалось Леше, ему верила. Хоть муж и являлся утром весь в помаде и запахе духов. Супруга Валеры ждала, что он, став главой семейства, повзрослеет. Будет вести себя как зрелый сорокалетний мужчина, а он продолжал оставаться разгильдяем, точно ему двадцать три и жизнь полна не забот и хлопот, а куража и приключений.

То есть Фомин и Земских были как плюс и минус — полярными. Однако отлично ладили. Но не влияли друг на друга. К сожалению, сокрушались их женщины. Как-то супруга Валеры, смешав в чашке два вида мороженого — одно простое молочное, второе орехово-шоколадное с крошками печенья, мечтательно заметила: «Вот бы вас так соединить, а потом разделить, и получилось бы два идеальных мужчины!»

Леша покинул здание клиники и подошел к своей машине. Пятилетняя «Тойота Королла» устраивала Земских, однако он всегда мечтал о спортивной тачке. Но глупо тратить бешеные деньги на авто, на котором комфортно ездить можно лишь по хорошим дорогам, коих в России не так много, да и до желанной скорости не разгонишься. Поэтому Леша довольствовался своим надежным седаном, однако мысли о том, что когда-нибудь в будущем приобретет машину мечты, посещали его регулярно.

«Сколько всего я оставил на потом, — с горечью подумал Леша. — Как будто жизнь бесконечна...»

Только сейчас Земских осознал, что имеет совсем не то, чего бы он хотел. Существование в физическом и эмоциональном комфорте прекрасно, но только этого недостаточно. Ему хотелось захлебываться эмоциями, рисковать, влюбляться, ломать стереотипы, безумствовать...

Земских заплакал, уронив голову на руль. Слабости он тоже себе не позволял. Его глаза оставались сухими даже на похоронах матери.

Вдруг в окно заколотили. Земских вздрогнул всем телом, но голову поднял не сразу. Сначала вытер влажные глаза, чтоб не показать слез. Он думал, что это Валера последовал за ним на стоянку, и Леше не хотелось предстать перед другом в «расклеенном» виде. Но оказалось, что возле его «Тойоты» стоит Димитрич. Бомж, который обитал где-то поблизости, и иногда, когда охрана его не прогоняла, побирался возле клиники. Земских всегда проходил мимо. В качестве благотворительной помощи он делал бесплатные операции, но не подавал на улицах.

— Эй, док, у ты все пучком? — услышал Леша голос Димитрича.

— Да, я в порядке.

— А то смотрю, мордой в руль уперся... Думал, плохоело тебе.

Земских покачал головой и натянуто улыбнулся.

— А мне плохо, — жалостливо проговорил Димитрич. — Шланги горят.

Леша повернул ключ зажигания. Мотор заурчал. Димитрич занервничал.

— Соточку на опохмел не подкинешь, док? — прокричал он. — Знаю, ты мужик суровый, но не зверь же, а я помираю...

И тут Леша сделал то, чего от себя не ожидал. Он протянул руку на заднее сиденье и достал пакет. Презенты от благодарных пациентов — коньяк, сигары и конфеты. Опустив стекло, Земских отдал дары Димитричу. Тот тут же сунул лицо в пакет. Содержимое божж рассматривал долго. Секунд пятнадцать, не меньше. Очевидно, не мог поверить глазам.

— Это все мне? — сглотнув, прошептал он.

— Тебе. Лечись.

— Док, ты... ты... Человечище! Спасибо тебе.

— Не за что, я все равно не пью, не курю.

— Так это «Хеннеси» и «кубинки». — Димитрич прослезился от счастья.

— Ладно, наслаждайся, поехал я.

— Эй, стой, док.

— Что еще?

— Да мне как-то неудобно одному это все употребить... — Даже речь Димитрича облагородилась после того, как в его руки попали высококлассные продукты. — Это ж тебе подарили люди, которых ты вылечил, порадовать хотели, забери хотя бы конфетки.

— Сладкое я тоже не ем.

— Здоровеньким помереть хочешь? — хмыкнул божж. — Что ж, каждый по-своему с ума сходит. Ну, бывай тогда.

И, сунув пакет за пазуху, убрался со стоянки. А Леша остался. Он понял, что не в состоянии вести машину. Нервы как натянутые канаты, что вот-вот лопнут. В голове каша. Глаза застилает пелена. И ладно, если, попав в аварию, сам «здоровеньким» помрет, так людей покалечит. И он заглушил мотор. Попил воды. Протер лицо влажными салфетками. Затем, разложив кресло и включив музыку, лег, закрыл глаза и стал думать.

Стук в окно заставил Лешу открыть глаза. Покосившись, он увидел возле машины не того, кого ожидал. Земских думал, что вернулся Димитрич. Побирушки народ наглый. Им один раз дай, не отстанут. Однако в окно «Тойоты» заглядывал не Димитрич, а Макарыч. То есть Валера Фомин, покойного отца которого звали Макаром.

— Ты приехал снова или не уезжал? — спросил друг.

Земских глянул на часы: с того момента, как он покинул клинику, прошло два часа.

— Уезжал, — соврал Леша. — Вернулся за тобой. Прыгай в машину.

Валера удивился, и его подбородки сложились в гармошку. Когда он забрался в салон, «меха» немного разошлись, но глаза оставались широко распахнутыми.

— Ты никогда не заезжал за мной, — сказал он.

— Потому что у тебя у самого была машина, а теперь она у жены.

— Я не живу с ней больше месяца, но ты никогда...

— Валер, ты хочешь смотреть футбол на большом экране моего телевизора? — перебил его Леша. Фомин энергично закивал. — Тогда сиди и помалкивай, пока я не передумал предоставлять тебе такую возможность.

— Я онемел, — заверил Фомин и закрыл рот на воображаемый замок.

Тихо Валера сидел все то время, пока Земских вырубивал со стоянки и вливался в поток машин на шоссе. Но не прошло и пяти минут, как Фомин обрел голос:

— Нужно заехать за пивом и вкусняшками.

— На первом этаже моего дома есть супермаркет.

— А там продают темное с дымком?

— Без понятия.

— Я его люблю.

— Фомин!..

— Молчу-молчу. — И еще через пару минут: — А что у тебя с телефоном?

— А что у меня с телефоном?

— Он выключен.

«Вот черт, — мысленно выругался Земских. — Я же вырубил его, а врубить забыл!»

— А ты мне звонил? — спросил он, достав сотовый, чтобы привести его в рабочее состояние.

— Не я, твоя травница.

— Не понял?

— Набирала тебя, набирала, ты не абонент и в скайпе не отвечаешь, она забеспокоилась и в регистратуру клиники позвонила, чтоб узнать, все ли с тобой в порядке.

Земских посмотрел на экран включившегося телефона. Куча неотвеченных звонков, большая часть которых от его девушки Оксаны. Надо было бы перезвонить, но Леша написал смс: «Со мной все в порядке, я на частной консультации. Пока занят».

— Поругались? — любопытно спросил Валера.

— Нет.

— Да, вопрос глупый. Ты ни с кем не ссоришься, и мне всегда было любопытно почему.

— Ты уже задавал мне этот вопрос.

— Да, но ответ меня не удовлетворил. Ты сказал, что человек не конфликтный, но я тоже... Ненавижу скандалы, терки, негатив. А постоянно с кем-то собачусь.

— Значит, конфликтный.

— Да нет же! Просто я не равнодушный.

— То есть я?..

— Производишь впечатление абсолютного пофигиста. Но я думаю, что ты не такой. Ты просто эмоции прячешь. Причем очень и очень глубоко. Вопрос: зачем?

— Когда получишь диплом психолога, я приду к тебе и расскажу.

— А друг лучше любого мозгоправа, ты разве не знал?

И тут Алексей расхохотался. Насмешливо и зло. Прореагировал так, как человек, который не прячет эмоций. В общем, сделал то, от чего воздерживался долгие годы.

— Фомин, ты такой наивный дурачок, — отсмеявшись, сказал он. — Друг — это бомба замедленного действия. Нет, даже не так... Это мина, оставшаяся в земле со времен войны и ждущая своего часа, чтобы взорваться.

— Я не понимаю...

— И не надо тебе, Валер.

— Да что с тобой сегодня такое? — вскричал Фомин. — Ты сам не свой.

Сказать, не сказать?

— Меня ночью похитили инопланетяне и вживили мне в мозг жучок, — выдержав паузу, выдал Леша. — Теперь я — не я. — И завращал глазами.

— Да иди ты, — буркнул Валера.

Жил Земских неподалеку от клиники, в пятнадцати минутах езды. Поэтому его дом уже показался.

— Я тебя высажу на автобусной остановке, — сказал Леша другу. — Ты пойдешь в магазин, а я найду место для парковки. Встретимся у подъезда, идет?

Валера кивнул, затем спросил:

— Тебе чего-нибудь взять?

— Бутылочку «Боржоми».

— И все? А поесть?

— У меня есть рыба паровая, рис, овощи. На завтрак каша.

— Овсянка, сэр?

Леша кивнул, Валера скривился.

— Как ты при таком режиме питания можешь страдать от гастрита, понять не могу, — проворчал он, выбравшись из машины.

Именно на вновь разыгравшийся гастрит, которым Леша страдал в студенческие годы, Земских и грешил, когда ощутил первые боли в желудке. Он ужесточил диету, стал принимать таблетки, и состояние улучшилось, но ненадолго. Месяца на два, три. Все думают, что медики очень рьяно следят за своим здоровьем, но это не так. Медики разные. Кто-то раз в полгода обследуется, а кого-то увозят в реанимацию прямо из кабинета. Земских относился к той категории людей, которые бьют тревогу только тогда, когда уже нет сил терпеть. Хотя боли у него что-то другое, не желудок, Леша обратился бы к врачу скорее. Он был молод, вел правильный образ жизни и не имел проблем со здоровьем. Вот только гастрит, мучивший на протяжении нескольких студенческих лет. Но гастритом страдал каждый третий сокурсник Алексея. Нерегулярное питание, дешевая дрянь, употребляющаяся в пищу, нервотрепка, выпивка.

О да, когда-то он пил. Но не курил. А все из-за мамы. Она так зависела от никотина, что не смогла отказаться от сигарет, когда это требовалось. При ее болезни легких курение было противопоказано, но матушка чадила. Не просто баловала себя сигареткой в день, искуривала пачку, а если нервничала, полторы. Но «легких». Как будто это могло ее уберечь. Леша помнил мать покашливающей, бледной. У нее были пожелтевшие от никотина пальцы и виноватое лицо. Она понимала, что загоняет себя в могилу, и ей было стыдно перед мужем и сыном. Умерла матушка, когда Леша поступил в институт. И он не плакал на ее похоронах. Не то чтобы Леше не было жаль родительницу, просто он считал, что она сама виновата. Брось она курить, могла бы еще жить и жить...

Отец Алексея после смерти жены стал выпивать. Супруга скончалась, сын уехал в большой город на учебу, и главе семейства Земских стало одиноко. Сначала он прикладывался к бутылочке после работы, потом начал и на работу приходить под хмельком. А чтобы не пахло, делал себе алкогольные клизмы. И все бы ничего, но он был хирургом. Причем лучшим в городе. Поэтому именно ему доверили делать сложную операцию на позвоночнике дочери мэра. Старший Земских операцию провалил. Допустил грубейшую ошибку и оставил девушку инвалидом. Естественно, началось расследование. За преступную халатность отец Леша был не только изгнан из клиники и лишен прав на проведение любых операций, но еще и срок получил, пусть и условный. После суда он ушел в запой, из которого, скорее всего, так и не вышел. Алексей не видел отца много лет, но знал, что тот жив. Если б умер, ему бы сообщили.

Земских встряхнулся. Хватит думать! Нужно найти место для машины, а то придется ехать до платной стоянки два километра. К счастью, Леше удалось пристроить свою «Тойоту» довольно быстро, поэтому, когда он подошел к подъезду, Валеры еще не было. Земских опустился на лавочку и прислушался к ощущениям. На желудке тяжесть, как будто переел, хотя он сегодня только чай пил. Зато ничего не болело.

— Эй, Леха, помогай! — услышал он голос Фомина.

Обернувшись, он увидел друга, который, обливаясь потом, пер четыре огромных пакета. Земских поднялся с лавки и взял у него два. Пакеты оказались тяжелыми.

— Ты в строительный еще забежал? — пробормотал Леша.

— Зачем? — рассеянно переспросил Валера, вытирая пот со лба согнутой в локте рукой.

— За кирпичами.

— В вашем магазине акция, три бутылки пива по цене двух. Я в ней поучаствовал.

— Только в этом пакете пять бутылок, — отметил Леша, заглянув в один из своих.

— Так я взял девять. А на сэкономленные деньги тебе «Боржоми» купил. Я молодец.

— Ты кревоугодник.

— Я эпикуреец. Или, если хочешь, бонвиван. Кревоугодник — это примитивно.

— Чем ты забил еще два пакета, эпикуреец?

— Еды прихватил. Не могу же я питаться твоей овсянкой.

Они поднялись на лифте на нужный этаж, и Леша отпер дверь в свою квартиру.

Жилье это он приобрел шесть месяцев назад. Вернее, выплатил за него ипотеку. А вообще в квартире он жил уже шесть лет, но не считал своей до тех пор, пока не был погашен кредит.

Земских пригласил гостя войти. Фомин, переступив порог и скинув мокасины, тут же проследовал в кухню. Вскоре оттуда послышались громыхание посуды и женский голос, это Валерка взялся за приготовление пира, предварительно включив телевизор. Поскольку в помощи хозяина дома он не нуждался, Алексей отправился в ванную.

Он долго стоял под душем... Просто стоял. Голова опущена, глаза закрыты. Никаких мыслей.

— Ихтиандр, ты скоро вынырнешь? — раздалось из за двери.

— Скоро, — ответил Леша. Он не порадовался тому, что Валера нарушил его безмятежность, но не стал просить оставить его в покое. С Фоминым он бывал резким, пусть и не часто.

— Тебе рыбу с рисом греть?

— Я не голоден. Выпью йогурта.

— Так дело не пойдет. Я не люблю один есть, ты это знаешь, так что будь добр, поклюй хотя бы риса.

— Фомин, отвали уже от меня, — не выдержал-таки Леша и закрутил кран. — Выйду из ванной, сам решу, что есть.

— Нет, сегодня ты совершенно определенно не в себе.

Алексей выбрался из ванны, вытерся, накинул халат. Рядом с его длинным синим висел короткий голубой. Оксанин. А на полочке стояли ее косметические и гигиенические средства. В прихожей — тапки, тоже маленькие, бежевые. В шкафу висели кое-какие вещи Оксаны. На прикроватной тумбочке лежала ее книга. Все это нужно будет собрать, чтобы вернуть хозяйке. Он расстанется с Оксаной сразу, как она вернется из командировки...

Вот только что именно сказать ей, перед тем как разорвать отношения?

Уж точно не правду.

Когда Леша зашел в кухню, то глазам своим не поверил. Не самый маленький стол был весь заставлен едой: тут и курица гриль, и суши, и салаты в пластиковых контейнерах, и овощи, и два вида хлеба.

— Знаю, переборщил, — вздохнул Валера, поймав его ошалелый взгляд. — Но когда я голодный по магазинам хожу, все хочу...

— Но не съешь же все?

— Нет, конечно. Попробую — да. А остатки придется выкинуть, потому что готовая еда тухнет мгновенно.

— Зато ты сэкономил на пиве, — усмехнулся Леша.

— Кстати, о пиве. Что-то я не хочу его сейчас. Под такую закуску чего-нибудь крепкого бы. У тебя нет коньяка или водочки?

— Есть.

— Серьезно?

— Мне, как и всем докторам, дарят алкоголь.

— Я думал, ты отказываешься от таких презентов.

— Не хочу обижать людей — беру. Так что у меня, Валера, шикарный бар.

— И почему я впервые об этом слышу?

— Вот поэтому! — И ткнул в Фомина пальцем.

— Не понял?

— Да ты посмотри на себя в зеркало. У тебя глаза сейчас как у белки из «Ледникового периода» в момент, когда она видит вожделенный желудь. А она меж тем одержимая...

— Покажи мне свой бар.

— Хорошо, пошли. — Леша повел друга в гостиную. Дойдя до книжного шкафа, открыл нижние антресоли и продемонстрировал Валере их содержимое. — Ну что?

— Чувствую себя одержимой белкой, попавшей на остров, заваленный желудями.

— Что пить будешь, спрашиваю?

Фомин плюхнулся на свой необъятный зад, подпер подбородки кулаками и стал рассматривать бутылки, которых было не меньше пятидесяти.

— А можно текилу и водку? — выдал наконец Валера.

— Тебе завтра разве не на работу?

— К обеду. И я только продегустирую. Просто у тебя в баре стоит настоящая мексиканская текила. Не экспортная. Ее только там продают.

— Тогда зачем тебе обычная русская водка?

— Не обычная, а самая дорогая. Вот мне и интересно, что же в ней такого особенного.

— Хорошо, бери обе бутылки и пошли на кухню. Даже я проголодался.

Они уселись за стол. Валера тут же налил себе текилы и положил на тарелку куриный окорочок, оторвав его от тушки, и «сеledку под шубой», а Леша взялся за «Боржом» и помидоры черри. Они чокнулись и выпили.

— Ничего выдающегося, — отметил Валера перед тем, как приступить к закуске. — Хорошо, что ты мне водку взять разрешил. Моя матушка, тоже, между прочим, доктор, гастроэнтеролог, всегда говорила, что если пить, то ее. Даже тебе можно в малых дозах. Пропустишь стопарик?

Он всегда предлагал Леше выпить. И слопать что-нибудь жирное и вредное. Земских неизменно отказывался. И тут вдруг...

— А давай, — выпалил он, махнув рукой, как киношный алкаш, который на первое предложение ответил отказом, но с нетерпением ждал второго, чтобы согласиться.

— Серьезно?

— Наливай, пока не передумал.

Валера метнулся к шкафчику с посудой, достал еще одну стопку.

— Жаль, водка не ледяная, — пробубнил он, разливая ее. — Но и не теплая, уже хорошо. — Он подвинул Леше стопку, затем взял свою. — За что выпьем?

— До этого ты опрокинул в себя текилу ни за что.

— Я же пил один, а теперь у меня есть собутыльник.

— Ой, да ладно...

— Минуточку! — Фомин поднял указательный палец, похожий на среднего размера шпикачку. — Впервые я пью с лучшим другом. Впервые я пью столь дорогую водку. Впервые я... — И засмеялся. — Не знаю, какой тост произнести, чтоб он соответствовал случаю...

— Коль это такое значимое событие для тебя, давай выпьем за мир во всем мире.

— Гениально!

Они чокнулись и опрокинули в себя водку.

Валера крякнул, Леша закашлялся. Хоть вкус и не был омерзительным, но пить было неприятно. Наверное, дело все в температуре. Хотя в студенчестве они вливали в себя и теплую водку. Причем далеко не самую дорогую, а скорее напротив.

— Закуси, — посоветовал Валера, протянув другу куриную ножку со своей тарелки.

Леша вгрызся в нее.

— Несвежая, — поморщился он, но мясо разжевал и проглотил.

— Да нормальная. Бывает хуже. Но если не нравится, вот это отведай. Здоровая пища, кстати. — Валера ткнул вилкой в один из контейнеров.

— Что это?

— Спаржа с кунжутом.

— Ты это ешь?

— Думал, ты ешь.

— Не угадал.

— Хоть попробуй.

— Выглядит тошнотворно, не буду. Лучше рыбку погрею. — Земских достал из холодильника форель и засунул ее в микроволновку. Пока рыба грелась, Валера уплетал курицу и спаржу, которую залил кетчупом и майонезом, и то и другое он приобрел — в закромах Земских ничего подобного не водилось.

— Еще по одной? — предложил Фомин, когда Леша вернулся на свое место.

— Давай. Только я текилы хочю попробовать.

— Хозяин — барин. А я с вашего разрешения водочки. — Валера разлил напитки по стопкам. — За что сейчас?

— Давай за... Кто сегодня играет? Я про футбол.

— Германия с Францией.

— И за кого ты болеешь?

— За немчур, хоть у нас с ними за двадцатый век дважды случались непримиримые военные противоречия.

— Тогда выпьем за их победу. — И мужчины опрокинули стопки. Поставив свою, Валера, уже чуть захмелевший, обратился к Леше:

— Тебя Димитрич покусал, да?

— В каком смысле?

— Ты не знаешь этой шутки? Все, кто у нас вдруг развязывается, говорят, что их покусал Димитрич. Ну, это как с оборотнями...

— Аллегорию понял. И с Димитричем я сегодня имел беседу. Но он меня не кусал.

— Тогда что с тобой?

— Ты столько лет пытался меня споить. И вот когда тебе это удалось, ты...

— Я в недоумении. И тревоге.

— Все нормально, Валер. Я еще стопочку выпью и спать пойду.

— Как? А футбол?

— Не люблю его.

— Почему?

— Не знаю, как объяснить. Неинтересно смотреть, и все. Как и любые командные игры.

— Хочешь сказать, ты в детстве не играл во дворе в футбол? В волейбол? В хоккей?

— Нет.

— Ты Маугли? — Валера вновь наполнил стопки. — Хотя дитя джунглей наверняка гонял с волками...

— Я Ихтиандр, ты правильно заметил.

— То есть у тебя есть жабры?

— Я родился и вырос у моря. Все детские игры были связаны с ним. Мы пропадали на берегу. Купались, ны-

ряли, загорали летом, зимой катались на лодках, ловили рыбу и круглый год строили замки из гальки.

— За замки! Любые... В том числе воздушные.

Они выпили вновь. Три стопки для Леши, чуть ли не половину жизни воздерживающегося от алкоголя, могли бы стать убойными, но, как ни странно, он чувствовал себя бодро.

— А не лягу я спать, — решительно сказал он. — Футбол смотреть буду. И за французов болеть. Пусть русские и с ними воевали, не только с фрицами. Но мы победили всех.

— Увы, не в футболе.

— Хочешь попробовать еще что-нибудь из моей коллекции?

— Нет, спасибо. Как ты правильно заметил, мне завтра на работу.

— А если б нет?

— Тогда я открыл бы абсент и поджег его.

— Зачем?

— Темнота, его так пьют.

— Что-то не припомню на картине Пикассо «Любительница абсента» пламени.

— А я не припомню такой картины, но знаю, как подают этот напиток в клубах.

— Покажешь? — И унесся в комнату, чтобы достать из бара абсент. Когда Земских вернулся с бутылкой в кухню, Валера отложил куриное крыло и сердито проговорил:

— Слушай, Леха, завязывай.

— Так я только развязался.

— Ты уже пьян.

— Увы, нет. — Земских на самом деле не ощущал опьянения, только облегчение. Нервы, закрутившиеся за день в канаты, расслабились. — Давай, жги абсент. Потом пойдем смотреть футбол.

— Ты ж завтра умрешь.

— Нет, не завтра, — засмеялся Леша. — Где-то через три, пять месяцев.

— Не понял?

— Да не слушай ты меня, болтаю какую-то ерунду...

Фомин встал из-за стола и подошел к Земских. Взял его за плечи, посмотрел в глаза и тихо спросил:

— Леш, что с тобой?

— Да нормально все.

— Не ври.

— Сделай мне абсент, тогда скажу.

— Хорошо. — Он разжал свои пальцы-шпикачки и принялся колдовать над напитком.

Земских следил за Валерой с интересом. Когда тот поджег абсент, захлопал в ладоши.

— Ты точно ребенок, впервые увидевший, как фокусник достает из шляпы кролика, — хмыкнул Фомин.

— Неужто в клубах так делают?

— Ой, там чего только не насмотришься. — Он протянул Леше стакан и скомандовал: — Пей залпом.

Земских было немного страшно, но он сделал, как велели — опрокинул в себя горячий абсент.

— Вещь, — выдохнул Леша.

— Срубит сейчас, готовься.

— Не срубит, я поем. — И схватил контейнер с каким-то сомнительного вида салатом. Кажется, грибным. — Жаль, супа нет. Я бы сейчас навернул борща. Моя мама чудесно его готовила, она украинка. Из Кременчуга родом.

— Пошли в комнату, скоро футбол начнется.

— Может, ты еще замутишь мне чего-нибудь? Вот из текилы, например. Есть какие-то коктейли, которые так же эффектно готовятся?

— Текила-бум. Но ты ее не получишь.

— Почему?

— Да, я всегда хотел... научить тебя плохому. Помнишь «Ералаш»? — Леша покачал головой. — Не важно. В общем, спойть хотел я тебя в первую очередь. Ну, и растормошить. Подбить на хулиганство... И вот сейчас, когда ты зажигаешь, я в ужасе... Потому что твое веселье на грани истерики. Объясни мне, Леша, что с тобой?

Земских хотел что-нибудь наврать. Потому что правду он намеревался скрывать ото всех. Но его срубило, как и прогнозировал Фомин. Леша обмяк, мозг его затуманился, а язык стал как вата и едва ворочался. Но он смог проговорить:

— У меня рак, четвертая стадия.

После этого Леша положил голову на стол, закрыл глаза и провалился в безмятежность пьяного сна.

* * *

Болело все — голова, желудок, спина...

Когда Леша открыл глаза, оказалось, что глаза тоже болели.

Он лежал на полу в прихожей. Под головой подушка. Тело накрыто пледом. Судя по всему, Фомин пытался перетащить друга на кровать, но его сил хватило лишь на то, чтобы выволочь из кухни.

Алексей, кряхтя, встал. Его качнуло. Придержавшись за косяк, он выровнялся. Потом нетвердой походкой направился в кухню. Там, как ни странно, было чисто. Валера убрал еду в холодильник или слопал, а посуду помыл. Леша открыл кран с питьевой водой и стал жадно пить. Утолив жажду, вернулся в прихожую, чтобы найти сумку, в которой таблетки.

— Жив? — услышал он голос Валерки, а затем увидел его в дверях гостиной. Друг был в одних трусах.

— Жив. Как игра?

— Так себе. Ничья.

— То есть победила дружба. Это хорошо.

— Ты извини, что я тебя бросил тут, но ты такой кабан, Леха, я не смог тебя дотащить хотя бы до дивана.

— Да хоть до коврика бы дотащил, у меня от жесткого пола спина разламывается.

Земских достал из сумки таблетки и отправил в рот сразу две. Их не нужно было запивать, поэтому Леша сразу отправился в ванную, чтобы почистить зубы. Во рту, как сказал бы Фомин, будто кошки нагадили.

— Есть не хочешь? — спросил Валера, материализовавшись на пороге ванной комнаты, которую Леша не потрудился запереть.

— Нет.

— А я заточил бы чего-нибудь.

— Иди, точи. А я спать.

— Нет, сначала поговорим. Чай будешь?

— Не хочу. Меня и так в жар бросает.

— Тогда пивка? По бутылочке?

— Я выпью «Боржоми».

Леша почистил зубы, умылся. И все это сделал под пристальным взглядом Фомина, который оставался стоять на пороге ванной. Когда Земских закрытил кран, он выдал:

— Поверь мне, пиво пойдет лучше. Сейчас три ночи и уже завтра, но давай будем считать, что еще вчера.

— А зачем нам это?

— Чтобы ты еще немного побезумствовал.

— И выпил-таки текила-бум?

— Нет, только пива. Я не хочу, чтоб ты снова упал лицом в салат.

Они прошли в кухню. Леша сел, а Фомин стал доставать из холодильника еду и напитки. Из девяти буты-

лок пива осталось только три. Из еды одни лишь суши и салат, в который Земских, если можно так выразиться, упал. Валера протянул его другу, но Алексей качнул головой. Есть не хотелось. Хотя от борща он по-прежнему не отказался бы.

— Когда ты узнал, что болен? — задал вопрос Валера, открыв пивные бутылки.

— Сегодня. Но если точнее, вчера.

— Что будешь делать?

— Жить.

— Понятно, что умирать рано. Но ты уже выбрал способ лечения? Что онколог советует? Облучение? Химию? Или можно попробовать операции? Даже на четвертой стадии их проводят.

— Опухоль с метастазами. Их много. Можно попробовать убрать, но нереально удалить все.

— Но химия замедлит их рост, и ты продлишь свою жизнь...

— Нет, я продлю существование. Я думал вчера весь день над тем, как мне поступить. У меня мозги начали плавиться. Думал, с ума сойду. Но я смог принять решение. И все благодаря тебе.

— Мне? — осторожно переспросил Валера.

— Я редко вспоминаю детство. А когда ты спросил, не Маугли ли я...

— Ты сказал, что Ихтиандр. И что?

— В детстве у меня была мечта. Я грезил о том, что, когда стану взрослым, выйду в море на яхте, буду сам ею править и доберусь до маяка на далеком мысе, свет которого мы видели вечерами. — Лешин голос дрогнул. Он сделал глоток пива и продолжил: — И вот я взрослый. А до маяка так и не добрался. Хотя это же не так сложно. Надо всего лишь научиться управлять яхтой, взять ее в аренду и выйти в море...

— Мы все в детстве о чем-то грезим, но мы взрослеем, и у нас появляются новые мечты, а старые забываются.

— А у меня новых не появлялось, понимаешь? Только планы. Четкие, рациональные. Я стал хирургом не потому, что страстно этого желал, просто я знал, что у меня получится. Достойная профессия, уважаемая, перспективная, денежная. И она мне нравится. Я доволен своим выбором. Но если б я стал моряком... В моем городе есть училище, я думал туда поступать. И если бы я стал моряком, то был бы счастливее.

— Или не был.

— Да. Но не попробуешь, не узнаешь. А я так многого не попробовал. Ограничил себя. Обделил.

— Ты сейчас об этом? — Валера щелкнул пальцами по пивной бутылке.

— Я тебя умоляю, Фомин! Не старайся казаться примитивнее, чем ты есть. Я рад, что не пил, не курил, следил за питанием. Потому что сейчас могу быть уверенным в том, что не угробил свой организм. Я делал все для того, чтоб содержать храм своей души в идеальном состоянии, извини за патетику.

— Пожалуй, я примитивнее, чем тебе кажется. Я не понимаю, к чему ты. Что моряком не стал, жалеешь, так зря. Работал бы сейчас за копейки и явно храм своей души привел в негодность низкопробным алкоголем. А вот что не женился, это да, зря. Все твои женщины, из тех, кого знаю, достойными были, образованными, порядочными, воспитанными, не то что моя... Магдалена из пены.

— Но ты ее любишь.

— Люблю. Но я глупый романтик. Я не могу без страстей. А ты на пылкую любовь, как мне кажется, не способен... — Валера осекся, заметив, как изменилось выражение Лешиного лица. — Или?

— Или. Но мне разбили сердце, и я решил, что больше не позволю себе такой роскоши, как безоглядная любовь. В общем, я отказал себе во всем. Больше я этого делать не буду. Проживу оставшиеся мне месяцы на полную катушку.

— Тебе здоровье не позволит, — покачал головой Фомин.

— А это мы еще посмотрим, — возразил Леша с ухмылкой. — А теперь пойдем спать, на завтра у меня куча дел.

Глава 2

Оля Крестовская бросила взгляд на часы и с сожалением отметила, что прошло всего пять минут с тех пор, как она смотрела на циферблат в последний раз. Она-то надеялась хотя бы на десять. Но время замедлилось. Так всегда бывает, когда чего-то с нетерпением ждешь...

— Девушка, извините, у вас свободно? — услышала Оля мужской голос совсем рядом.

Подняв глаза, она увидела симпатичного парня с двумя чашками кофе и кивнула. Оля сидела в вагоне-ресторане поезда одна за столиком, тогда как он был рассчитан на четверых.

— Я за вами давно наблюдаю, вы такая грустная, — начал он.

— Я задумчивая, — перебила парня Оля.

— Пусть так. Но ваша чашка опустела. Я принес вам еще кофе.

— Спасибо, но я больше не хочу.

— Тогда, может, перекусим? Здесь неплохо готовят. Я езжу этим поездом регулярно и перепробовал почти все блюда в меню. Рекомендую жульен.

Ольга едва сдержалась, чтобы не накричать на парня — его настойчивость граничила с навязчивостью, но сдержалась.

— Вас как зовут? — спросила она.

— Олег. А вас?

— Это не важно. Олег, вы очень милый, и в другой день я бы с радостью попила с вами кофе и поболтала, но не сегодня... Извините.

И, встав из-за стола, поспешила на выход.

К мужскому вниманию Ольге не привыкать. Она была королевой школы, института, города. Причем признанной. Участвовала в конкурсах красоты, во многих побеждала, а в девятнадцать лет выиграла корону королевы края и собиралась на «Мисс Россия», но...

Не получилось. Обстоятельства не позволили.

Больше Оля Крестовская в конкурсах не участвовала. Получив диплом, уехала к сестре матери в Самару. Тетка занимала высокую должность на автомобильном заводе и хорошо племянницу пристроила. Ольга сделала неплохую карьеру, удачно вышла замуж, но два месяца назад развелась и... уволилась! Решила, что уж если менять жизнь, то кардинально. Перерубив два каната, что держали ее в Самаре, она улетела к подруге на Тенерифе, как планировалось, на всю календарную весну. Почти месяц Оля провела в безделье. Пропадала на пляже, ходила по ресторанам и клубам, баловала себя шопингом и курортным романчиком. Успокоила нервы, загорела, поправилась на пять кило и поняла, что больше не может оставаться на дивном острове, потому что смертельно устала от праздности... И по России, которую раньше не покидала дольше чем на десять дней, скучает. И Оля вернулась, хотя гипотетически рассматривала вариант переезда в Испанию на ПМЖ. В Самаре оставаться она по-прежнему не хотела. Санта-Круз

ей тоже не подошел. Что выбрать? Москву? Ее тетка сейчас в столице, и она снова поможет. Да Оля и сама, в принципе, в состоянии устроиться, но... Ей не хотелось в столицу. А куда хотелось, она не знала. Тянуло на родину, но что делать в их маленьком портовом городке?

И тут ей пришла телеграмма... Телеграмма! Кто их вообще сейчас посылает? Когда есть электронка, скайп, вайбер и прочие блага цивилизации!

Оля прочла телеграмму.

«Здравствуй Оля ТЧК Это тетя Маня бабушка Саши ТЧК Если можешь приезжай ТЧК Сашенька нуждается в друге ТЧК Не говори ей что я связалась с тобой ТЧК».

Далее следовал адрес, по которому бабушка Саши и, скорее всего, сама Саша проживали. Не раздумывая долго, Оля купила билеты на поезд и отправила тете Маше ответную телеграмму.

И вот она едет в родной город. И нервничает, потому что не видела подругу пятнадцать лет. Даже в скайпе, хотя девушки все годы были на связи, сначала писали друг другу обычные письма, вскоре электронные, после перешли в агент, затем вацап. Списывались, созванивались. Оля как-то предложила Саше устроить сеанс видеосвязи, но та сказала, что у нее сломана камера на компьютере, и Крестовская не стала настаивать.

На малую родину Ольга отправилась налегке. С собой только дорожная сумка среднего размера. В ней минимум вещей: белье, сменные джинсы, пара футболок и домашнее платье, в котором можно и спать. Плюс любимый фен и планшет. Оля даже косметики не взяла, разве что пудру и блеск для губ. Благо и без макияжа выглядела эффектно. Многие, включая бывшего мужа, считали, что ей даже лучше ненакрашенной. Но Оля, если желала произвести впечатление, наносила косметику. Вот толь-

ко в родном городе она не собиралась привлекать к себе внимание. Более того, ей хотелось остаться неузнанной.

Подхватив сумку, Оля покинула купе. До ее остановки оставалось еще минут пятнадцать езды, но она решила постоять это время в тамбуре.

— Только не подумайте, что я вас преследую, — услышала она за спиной.

— Я уже сделала это, — бросила Оля через плечо. Не нужно было оборачиваться, чтобы понять, что это Олег.

— Я шел в свой вагон, только и всего. А тут вы. Сделайте вид, что я вас не вижу, было бы невежливым.

Повисла пауза. А все потому, что Оля оставила реплику Олега без комментариев.

— Вы сейчас выходите? — не унимался парень.

Пришлось повернуться к нему — невежливо стоять к собеседнику спиной.

— Да.

— А я на следующей.

— Угу.

— Можно я вам оставлю свой телефон?

— Можно, — ответила Оля, решив, что Олег так быстрее отстанет.

Молодой человек протянул ей визитку. Она, не глядя, сунула кусок картона в карман джинсов.

— Всего вам хорошего.

— И вам.

— Как вас зовут все же?

— Ольга.

— Прекрасное имя.

— Обычное, — равнодушно пожала плечами она. За окном уже показались станционные постройки, значит, через две-три минуты Оля окажется на платформе.

— Мою маму так зовут, поэтому я нахожу ваше имя прекрасным.

— Привет ей от тетки. И прощайте, Олег.

— До свидания.

И скрылся за дверью, из-за которой показалась проводница.

Вскоре поезд замедлил ход и остановился. Оля вышла на перрон.

За те годы, что она не была в родном городе, вокзальная площадь мало изменилась. Здание вокзала все то же, пусть и покрашено в другой цвет. Торговые палатки облагорожены, лавочки заменены на новые, современные, деревья выросли, но... Атмосфера все та же.

Оля сошла с платформы, и ее тут же окружили таксисты. Городок не был туристическим. Курортники редко сюда заезжали, поэтому бомбилы дрались за каждого клиента. Ольга выбрала того, чье лицо ей показалось знакомым.

— А я думал, не признаешь меня, — сказал таксист, подхватив ее сумку. — Не виделись с выпускного!

— Пашка Соколов, — осенило Олю. Они учились вместе десять лет. — Как я могла тебя не узнать? Ты все такой же.

— Скажешь тоже, — сконфузился Пашка. Что удивительно, ведь Оля грубо польстила. Пашка обрюзг, полысел и выглядел на десять лет старше своего возраста. — А вот ты все такая же красотка. Нет, даже лучше стала... Поправилась.

— Дурак ты, Соколов. Разве можно говорить такое женщине?

— Что похорошела?

— Что растолстела!

— Да ты была как глина, а сейчас справная стала.

Они уселись в старенький универсал фирмы «Опель». Паша завел мотор.

— Надолго к нам? — спросил он.

— На пару дней. А если точнее, на две ночи и три дня.
— Что привело? Я знаю, что твои родители тут давно не живут.

— Я к Саше.

— Пахомовой? — Пашка был явно ошарашен.

— Да. Ты общаешься с ней?

— Давно не встречал. А чего ты вдруг?..

— Почему это «вдруг»? Мы все эти годы общались.

— В реальности?

— Нет, созванивались, списывались.

— Вот и я о том.

— Паш, я чего-то не понимаю?

— Сашка затворница. Она крайне редко покидает свою квартиру. И никого не принимает. Как-то на десятилетие выпуска мы, пьяные, веселые, попытались завалиться к ней... Нам просто не открыли дверь, хотя свет в окнах горел. Пахомова общается с людьми по телефону и в Интернете, но в реальности предпочитает не встречаться. Вот я и удивился тому, что ты к ней приехала. Неужто Сашка тебя пригласила?

— Нет, ее бабка.

— Тетя Маня?

— Она. — Сашину бабулю знали многие выпускники их школы. Она работала в школьном буфете пекарем. Ватрушки от тети Мани были вкуснее эклеров и медовиков.

— Так тебя к Пахомовым везти? Я, правда, не знаю, где они сейчас обитают, но у тебя наверняка есть адрес.

— Нет. В гостиницу «Приморская», я там номер забронировала.

— Отличный выбор. «Приморская» у нас сейчас считается самым топовым местом. Туда иностранцы селятся, если в город приезжают, а в ресторан при отеле ходят местные буржуины.

— Надо же. А когда-то была обычной совковой гостишкой.

— У нас тут много что изменилось.

— Серьезно? Я что-то не замечаю.

— Поющие фонтаны открыли, роллердром построили, возвели смотровую площадку...

— Лучше б дороги сделали, — буркнула Оля, когда машину в очередной раз подбросило на кочке. — А мэр по-прежнему Сашин отец?

— Чего? — Пашка расхохотался.

— Сашка говорила мне, что он выигрывает все выборы на протяжении всех лет.

— А она, оказывается, врушка.

— То есть?..

— Пахомова сняли восемь лет назад. И больше он на пост мэра не баллотировался. Потому что тут его все ненавидят, и у дрессированной обезьяны больше шансов стать главой города, чем у него.

— Чем он так прогневил горожан?

— Он пытался закрыть порт, пусть и на время.

— Но город живет за счет порта...

— Вот именно. Но Пахомов так рьяно взялся за борьбу с контрабандистами и коррупционерами, что готов был и на крайние меры.

— Неужели он надеялся справиться с портовой мафией?

— Прикинь?

— И что, его сняли?

— Да. Состряпали какое-то дело, вылили кучу грязи и... как это называется? О, вспомнил, предали импичменту.

— Хорошо хоть не убили.

— В лихие девяностые точно грохнули бы.

— И чем Сашин отец сейчас занимается?

— Увидишься с ней и спросишь, я без понятия. Кстати... — Пашка взял с приборной панели визитку (у бомбил они тоже имелись, надо же!) и протянул Оле. — Вот мой телефон. Позвони после встречи, расскажи, как она. Ну, и вообще... — Бывший одноклассник засмутился. Мальчишкой он был влюблен в Олю и, видимо, сейчас вспомнил об этом. — Набирай, если довести надо или просто... поболтать с одноклассником.

— Хорошо. — Оля ободряюще улыбнулась Пашке. — А мы, судя по всему, приехали.

«Приморская», построенная в брежневские времена по типовому проекту, выглядела неказисто. И чтобы придать ей шика, новые хозяева возвели высокое крыльцо и над ним водрузили помпезную вывеску, украшенную, кроме всего прочего, тремя звездами.

— Сколько с меня? — спросила Оля.

— Да ничего не надо.

— Перестань, Паша. — Она вынула двести рублей и положила их на сиденье. Ехали всего минут пятнадцать, и она не думала, что в этих местах таксисты берут больше за столь короткую поездку. — Все, пока. Рада была видеть.

— Ты звони.

— Обязательно. — Оля помахала Пашке рукой и зашагала к высокому крыльцу с покрытыми серебрянкой гипсовыми колоннами.

* * *

Оля стояла перед четырехэтажной хрущевкой, выкрашенной желтой краской, и не верила, что пришла по адресу.

Саша Пахомова, девочка, рожденная с золотой ложкой в зубах, живет тут?